

Гостинная «Коммуниста»

ЧТОБЫ ЭТО ЖИЗНЬ БЫЛА...

Сегодняшней встречей с заслуженной артисткой РСФСР Валентиной Семеновной Немцовой начинается работу гостинная «Коммуниста». Мы постараемся приглашать в нее интересных собеседников — людей, много видевших, много знающих, профессионалов. В выборе кандидатур для диалога надеемся на вашу, читатели «Коммуниста», помощь.

Боюсь, Валентина Семеновна не согласится говорить для газеты. Всерьез боюсь, потому что очень хочу, чтобы голос В. С. Немцовой, заслуженной артистки РСФСР, больше сорока лет звучащий со сцены тюза, был услышан не только театральной публикой, и не только от образов, ею созданных. Я верю каждому ее слову. Не в том смысле, что оно — истина в последней инстанции, а в том, что если Валентина Семеновна что-то утверждает, она не преследует никакой цели, кроме правдивого изложения собственного мнения, собственной мысли. Всегда не часто встречающееся качество. Иду в тюз. Так и есть. Говорит, что не хочет давать интервью, что с удовольствием побеседует просто так, но ее дело общаться не с читателем, а со зрителем...

— Валентина Семеновна, давайте поговорим о жизни. Расскажите о детстве, о родителях.

— Прежде всего, у меня отец и мать — коммунисты с 17-го и 18-го года, предельно верившие в идеалы, которые принесла революция. Они — «из низов», из крестьян, мама и грузчицей была, отец плотником. После революции они кинулись учиться, учились вздохом. Семье детей нас было. Жили в большой комнате на улице Советской в Саратове. Отец учился на рабфаке и несколько его товарищей тоже жили у нас. Все общественные вопросы в семье обсуждались, все, что происходило в стране, — было главным. Такая коммуна была.

Отец давал мне задания — читать книги классиков марксизма: «Пока не прочтешь, — не смей вставать». Потом спрашивал, что поняла. Не могу себя назвать в этом смысле глубоко образованной, но уверенность железная в правоте наших идей с тех пор во мне живет. Я всегда с удовольствием читаю Ленина.

В 37-м отца арестовали. Он был парторгом Всесоюзного института зернового и орошаемого хозяйства, с Вавиловым работал. Когда к нам пришли с обыском, я сидела и глупо улыбалась: как это, у нас — и обыск! Матери предложили отказать от мужа. Она сказала, что знает его как честного, настоящего коммуниста. Ее исключили из партии. Отца потом восстановили посмертно (он вернулся из заключения в 46-м году, умер в 50-м), а мать восстановили при жизни. Отец нам писал, чтобы мы не вери-

ли в его вину, и в вину многих других, писал, что идет борьба и врагам удастся очернить хороших людей.

Мать растила нас. Меня приняли в комсомол, сказав, что дети за родителей не отвечают. Потом всегда выдавали на руководящую комсомольскую работу. Я и в театре сначала была комсоргом, позже секретарем парторганизации. Два брата у меня умерли. После смерти Вовки (друзья звали его «душа», погиб он на разработках газа) мама стала чахнуть, в 60-м умерла. Муха какая была. А я играла в спектаклях.

Класс у нас был хороший. Я в 14-й школе училась. Никакого «Ура! Да здравствует!» Мы все обсуждали серьезно, спорили, даже ругались, когда говорили на литературные, общественные темы. Ужасно любили собираться, чтобы просто поговорить. Если что было плохо, это всех касалось. Ни о чем не молчали. Я любила выступать, читать перед аудиторией, завоевывать зал. Я не чувствовала себя эффектной, просто необходимо было поделиться тем, что волнует. Играла в школьном драмкружке. Мы с одноклассниками до сих пор собираемся, вспоминаем. Многие умерли за эти годы. Некоторые погибли на фронте. От нашего поколения ведь осталось 3 процента — от 1922-го, 23-го годов рождения. День Победы — день второго рождения для меня.

— Как вы попали на фронт?

— После школы поехала поступать в Москву. В ГИТИС, в Щепкинское не прошла. Поступила в институт физкультуры. Причем специально спортом я не занималась, но в те годы уроки физкультуры в школе были не в пример нынешним, я своим здоровьем обязана, мне кажется, именно школьным урокам физкультуры. По-настоящему занимались мы легкой атлетикой, лыжами, коньками, между школами все время устраивались соревнования.

Когда началась война, я училась в институте, закончила курсы как методист лечебной физкультуры. Мы создали госпиталь, принимали первых раненых. Как я могла не пойти на фронт? Наш госпиталь отправили под Ярославль, он стал эвакуогоспиталем, — жили в лесу, в землянках. А я и там занималась самодеятельностью. И через некоторое время меня взяли в политотдел, во фронтовой театр. Мы работали только на передовой, при пер-

вой возможности, во время затишья. Если обстрел, переждем — и снова. На кузовах машин играли сценки, пели, танцевали, читали прозу и стихи. Потом во фронтовую бригаду концертную перешла. С войсками так и шли. До Польши дошли, потом до Германии. Если бы я тогда вела дневник! Какие встречи были удивительные. Какая в людях самоотдача. Чистота. Бескорыстие. Все это нормой было. И жизнь была жизнью. Девчонки влюблялись, даже замуж выходили. И я тоже. В 45-м сына родила.

— Рассказывают, что многие фронтовики трудно входили в мирную жизнь...

— Нет, я не растерялась после войны. Я любила и знала тюз еще прежде. Пришла туда и со своим фронтовым репертуаром показала худсовету. Меня приняли в студию театра на 2-й курс. Жили мы в студии прекрасно. Все в удовольствие. Неважно было, что я, кто я, — главное работать в полную силу. Ко всем экзаменам готовились вместе, вечера устраивали, капустники, и старшее поколение с нами. Одно штатное платье, одни босоножки, подкрашенные серебряной краской, — красота. Мне доставляли удовольствие те спектакли, что я видела в нашем театре. Это был мой театр, и в нем такие актеры и такие спектакли! Боготворили Киселева. Он говорил нам, что актер все должен отдавать театру. Сын был с мамой, как теперь со мной Ленка, внучка, дочь дочки. Играла в день по три спектакля. За кулисами сундук стоял для костюмов — отдохнешь на нем между спектаклями и — прекрасно.

Сыграла Тимура в «Тимура и его команде». Просто фурур был у нас на этом спектакле. Толпы зрителей провожали, письма писали. Мы с публикой очень широко контактировали, со студенчеством особенно. Потом «Молодая гвардия», «Хижина дяди Тома», «Старые друзья»...

Я поняла довольно скоро, что особым талантом не обладаю. Меня потрясали актеры Малого, МХАТа, а я могла быть просто искренней, правдивой на сцене. Вообще судьба моя в театре не была легкой. Все время приходилось утверждаться. Был период мучительного зажима, душа совсем ушла в педагогику (с 53 года преподавала в театральной училище). Не смогла. И не могу уйти. Сейчас играю редко, но когда спек-

такль, — у меня другая жизнь. Я не могу не выходить на сцену, не видеть, не чувствовать зрителя. И в другой театр никогда не могла бы уйти. Здесь мне все родное. Сложно очень бывало. Я ведь что думаю, то и говорю. Это не значит, что я обязательно права, но говорю то, что считаю правильным. И все же важнее всего мне быть в театре.

— По-моему, Валентина Семеновна, вы своим актерским данным предъявляете какой-то непомерный счет. Бывшие юные зрители могут наперебой вспоминать ваши удачные работы в ролях мальчишек, подростков, в сказках, а в последние годы вы сыграли, на мой взгляд, значительно и в «Доме на песке», и в «Последнем сроке», в «Репетиторе», недавно во «Всей надежде».

— По отзывам, по письмам зрителей, то, что я делала, — было понятно людям. Всегда доделывала роли до того момента, когда меня это начинало утомлять, но все-таки я знала, что ничего выдающегося собой не представляю. Ну так и что же? Нужно нормально относиться к себе. Мне дана огромная радость — говорить с людьми со сцены, и здесь не важны ни звания, ни зарплата, ни карьера. Моя тема — агитировать человека, чтобы он был открыт миру, чтобы его нельзя было вывернуть наизнанку, чтобы при любых обстоятельствах не становился самолюбом, чтобы подонку мог сказать в глаза, что он подонок. Чтобы это жизнь была! Человек в своем гуманистическом развитии находится пока на начальном этапе. А ведь сейчас, чтобы не вернулись прежние трагедии, большинство людей должно захотеть вмешаться во все, не жить «под себя». Вот что меня волнует больше всего.

Мне не хотелось перечислять регалии В. С. Немцовой — в этом ли дело? Однако награды внушают нам невольное уважение, особенно такие, какие хранит эта актриса: медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». Есть еще орден «Знак Почета».

Конечно, судьба актрисы в полном объеме не уместится в нескольких колонках, но в ходе этой беседы, думаю, вырисовывается облик человека, которого хочется определить знакомой и емкой формулой «цельная личность».

Беседовала
И. ГОРЕЛИК
На снимке: В. С. Немцова.